

Цикл «Отблески Этерны»

РОМАНЫ

Красное на красном (2004)

От войны до войны (2004)

Лик Победы (2005)

Зимний Излом

Том 1. Из глубин (2006)

Том 2. Яд минувшего (в 2 ч.) (2007)

Сердце Зверя

Том 1. Правда стали, ложь зеркал (2008)

Том 2. Шар Судеб (2009)

Том 3. Синий взгляд Смерти

Закат (2011)

Полночь (2012)

Рассвет (2017)

ПОВЕСТИ

Пламя Этерны (2004)

Талигойская баллада (2004)

Белая ель (2005)

И когда пылает запад... (Не окончена)

Паруса и струны (Каммориста) (Не окончена)

Записки мэтра Шабли (Не окончена)

Вера КАТША

Отблески Этерны

Книга пятая

**СЕРДЦЕ
ЗВЕРЯ**

ТОМ ТРЕТИЙ

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

В оформлении обложки и шмуцтитилов
использованы иллюстрации *Яны Кучеевой*

Камша, Вера Викторовна.
К18 Синий взгляд Смерти. Рассвет. Часть первая / Вера
Камша. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с. :
ил. — (Фэнтези Н. Перумова).

ISBN 978-5-699-96786-5

Долгожданное продолжение легендарного цикла «Отблески Этерны»!
Тонет в Эсператии разбитый адмирал. Странноватой славой об-
растает «закатный» капитан Фельсенбург. Плетут дамские интриги
принцесса и кардинальша. Хранит свой секрет бронзовая решётка.
Открываются старые тайны. Ищет и находит очень особые поручения
Марсель...

...Смотрит на трупы у обочины маршал Капрас. Нет, к такому зре-
лищу он привык... но дома?! Густой туман закрывает пути маршала
Бруно. Совсем другие карты хотел бы изучать маршал Савиньяк. Но
после мрака полуночи приходит рассвет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96786-5

© Камша В. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Автор благодарит за оказанную помощь Ирину Андронати, Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Константина Линника (Штырь), Даниила Мелинца (Rodent), Елену Цыганову (Яртур), Игоря Шауба, а также Донну Анну (Lliothar) и Mrs. Colombo

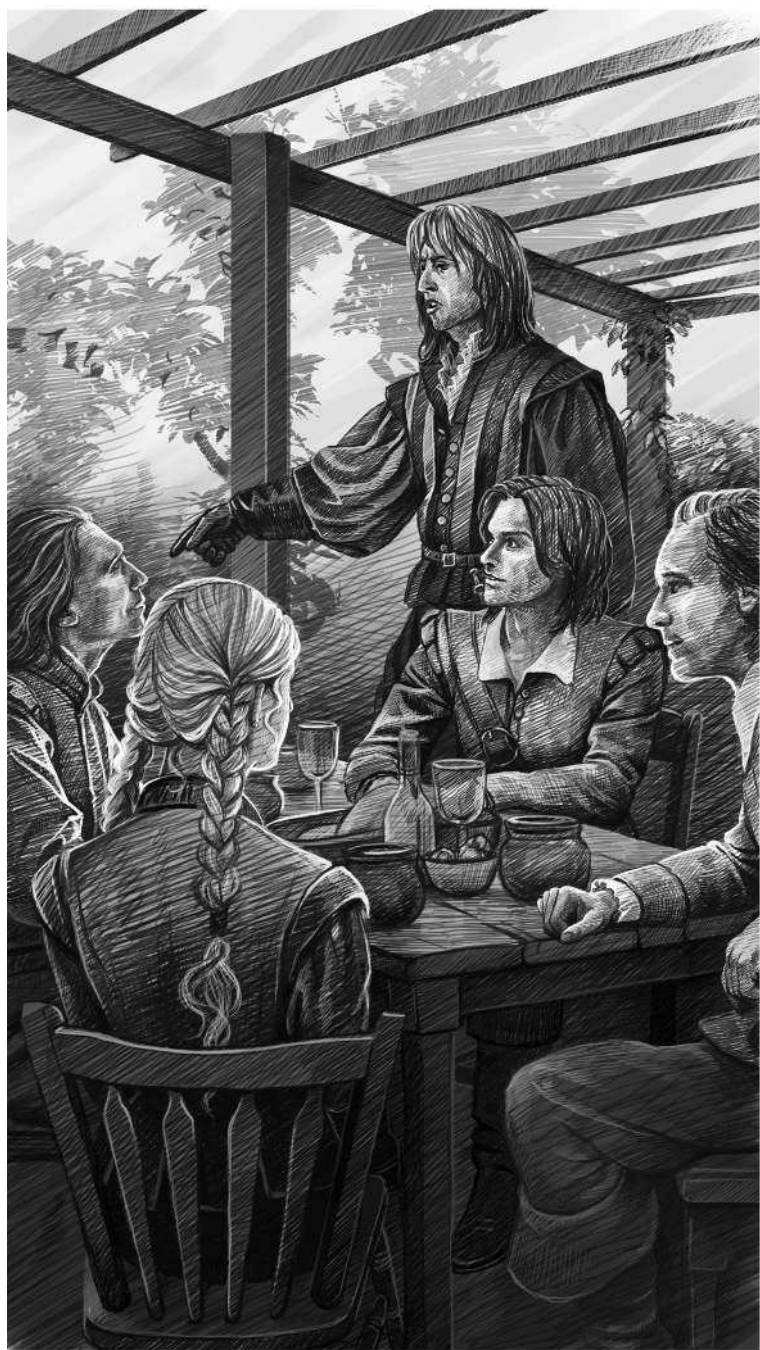
*А что нам играло, когда небеса
протрубили отбой
и чаша весов опустилась до самого дна?
Веселого мало, но нас удержала собой
мелодия, зла и сильна.*

*А что мы поднимем
над миром, где не состоится покой,
где все-таки можно
вернуться в оставленный дом?
Над черной равниной
обычный скворец городской
упорно свистит о живом.*

Даниил Мелинц

*Война — область недостоверного:
три четверти того, на чем строится
действие на войне, лежит в тумане не-
известности.*

Карл-Филипп-Готфрид фон Клаузевиц

I. «РЫЦАРЬ МЕЧЕЙ»¹

Плохое действие — лучше бездействия.

Шарль де Голль

Глава 1

ТАПИГ. ХЕКСБЕРГ КАГЕТА. ГУРПО

400 год К.С. 7-й день Летних Молний

1

келет выходил на загляденье. Если б не пиратская ухмылка — хоть сейчас в анатомический трактат! Руппи не забыл ни единой косточки и теперь сосредоточенно рисовал стрелочки для будущих подписей, то и дело отпихивая лезущую под руку Гудрун. Кошка урчала, а лейтенанту хотелось рычать, потому и череп получился злющим и не слишком мертвым: смерть, она ведь бесстрашна, как мороженое мясо.

— Умолкни, — велел Руппи кошке. — Надоеда...

Гудрун, томно вякнув, опрокинулась на спину и принялась елозить по непросохшему рисунку, размазавшиеся чернила казались то ли шерстью, то ли вуалью. Выглядело это странно, но плотоядный мертвецкий оскал кошка стерла, правда, слегка посинев. Ничего, вылизется...

---

¹ «Рыцарь Мечей» — придворная карта системы Таро. Означает, что вы на пути к цели и уже можно просчитать результаты. Если карта подразумевает личность, то энергичную, чья сфера — конкретные дела. Рыцарь Мечей быстро принимает решения, однако лишен широты взглядов. П.К. — вы находитесь в стадии начинания. Кроме того, означает человека, который не может выбрать, на чьей он стороне.

Блудный лейтенант отложил перо и отправился к окну созерцать лужи. На душе было скверно, главным образом от неопределенности. Руперт фок Фельсенбург всегда знал, *что* делать, даже когда не представлял *как*, а теперь цель отсутствовала. Напрочь. Выхваченный из Рассвета Олаф читал за стеной Эсператию, Бермессер вместе со своими мерзавцами уплыл в Закат, а война, в которой радостно плескался Фридрих, Фельсенбургу не нравилась крайне.

Кесария не должна проигрывать, это Руппи впитал с молоком кормилицы, жены отставного сержанта. Хильда баюкала будущего «брата кесаря» солдатскими песнями, услышав которые мама отослала «кровожадное животное» прочь, но дело было сделано. Наследник Фельсенбургов хотел воевать, он учился воевать, он, побери Леворукий урода-регента, неплохо воевал, только победы Фридриха ведут к поражению... нет, не Штарквиндов с Фельсенбургами — Дриксен.

Застрявший в Хексберге Руппи не представлял, чем занята бабушка Элиза, но грозная дама не могла не учесть в своих расчетах морских неудач. Чем больше пакостят фрошеры, тем меньше на побережье любят Фридриха и его лосиху. Чем меньше любят Фридриха, тем больше шансов на корону у дяди Иоганна. О рыбаках и прочих торговцах герцогиня Штарквинд думает не больше, чем парой месяцев раньше — об Олафе, но человека еще можно отбить, увезти, спрятать, города и деревушки — только защищать.

Устав уже от дождя, лейтенант перебрался к холодной печке, открыл поддувало и принялся выгребать золу, ну и думать задом. Послав к... Гудрун ударившегося в эсператизм Ледяного, послав к кошкам всех, он смог бы удрать, было б куда! Откажись Бруно выполнять приказы регента, фрошеры об этом уже бы знали, так что старик лоялен Эйрехту и при этом осведомлен о выходе наследника Фельсенбургов из его же письма. Значит, дорога в армию окончится либо в замке Печальных Лебедей, либо, что вернее, в Штарквинде. Родственники упрячут «этого невозможного мальчишку» под замок, а ждать, когда бабушка съест регента, можно и в Хексберг. Тот же полуплен, но Вальдес хотя бы не глядит с укоризной.

Возвращаться к волосатому скелету не хотелось, однако Руперт еще на «Утенке» дал себе слово каждый день повторять вызубренное. Кости были переписаны, и лейтенант принялся вспоминать названия мышц — и вспоминал, пока вернув-

шийся из порта фельпек не привел Ключкатера. Гудрун, будто понимая, что шкипер на нее положил глаз, взлетела на бюро и забила за здоровенные часы — виднелся только кончик хвоста.

Поддавив смешок, Руппи поднялся навстречу гостям — он в самом деле был рад Добряку.

— А я с новостишкой. — Шкипер, не чинясь, тряхнул руку Фельсенбурга. — Вроде и ждали, а все одно как веслом по башке! Помер Готфрид-то наш, скоро месяц уж будет...

— Шварцготвотрум!

— И не говорите! — Юхан словно тоже ругнулся. — Утром в Ротфогеле чудо приключилось, а вечером наше величество и того... Регенту на радость. Дождался, потрох пластужий, теперь на трон ползет!

2

Не спать после обеда, после *кагетского* обеда, можно лишь из упрямства. Карло Капрас был упрям, хотя предпочитал считать себя настойчивым. Только упрямство заставляло маршала вставать в этой дурацкой стране затемно, влезать в мундир, лопать на завтрак кашу — это в Гурпо-то! — и гонять до восьмого пота кипарскую деревенщину, превращая вчерашних олухов в сносных солдат. Не для Хаммаила, для настоящей войны, в которую среди роз, застолий и тараканов верить можно было опять-таки лишь из упрямства.

Разбросанные по чужим замкам гайифские батальоны давно уже никто не беспокоил, что понемногу расслабляло и солдат, и офицеров. Было тихо, лишь где-то на севере казаронские дружинники цапались с бириссцами Бааты, однако решительных действий ни одна из сторон не предпринимала. Лисенок молчал, у Хаммаила продолжали жрать и выхваляться, тревожился разве что Курподай, становившийся все услужливей и при этом мрачнее. Капрас спрашивал, в чем дело, казарон отговаривался какой-нибудь ерундой и навязывал очередную любезность. Это не радовало — Карло, хоть и начинал в гвардии, не любил влезать в долги; корпус же больше объедал союзников, чем защищал. На казара маршалу было начхать, но перед хозяином Гурпо, если б не его просьба поднатаскать местных парней, гайифец чувствовал бы себя неловко.

Гапзис доносил, что Курподаевы «рекруты» на занятиях усердны и даже чему-то научились, но, уверял ветеран, эти пожира-

тели инжира способны на что-то путное лишь рядом с настоящими солдатами и под пристойным — читай, имперским — командованием. Самостоятельно воевать болваны смогут еще не скоро, хотя не трусят и не отлынивают.

В основном лагере тоже не бездельничали. Ламброс школил кагетских ремесленников и своих пушкарей, пытаясь если не повторить подмеченные при Дараме талигойские фортели, то хотя бы прибавить полковой артиллерии прыти и научить ее маневрировать на поле боя. Последние «катания» внушали надежду — во всяком случае, облегченные лафеты перестали разваливаться после второго-третьего выстрела.

— Молодцы вы с Медерисом, — Капрас разлил вино, поймав себя на том, что делает это на кагетский манер. — Если так пойдет и дальше, нам будет что сказать не только Лисенку, но и талигойцам.

— Я предпочел бы разговор с морисками. — Так и не получивший из своей Неванты ни единой весточки Ламброс хмуро взялся за украшенный толстым удодием¹ кубок. — Только мы язычникам на один зуб...

Маршал кивнул — с Ламбросом он стал почти откровенен. Невантец люто ненавидел Военную коллегия и рвался на Побережье, где у него осталась мать, а может, и женщина. О докагетской жизни артиллерист не распространялся, и это Капрасу тоже импонировало: Карло и сам предпочитал говорить о настоящем, хотя все сильнее задумывался о будущем — корпуса и собственном. Последний курьер из Паоны прибыл в начале Летних Волн. За месяц в Гайифе много чего могло случиться, это в Кагете все шло по-прежнему, но ведь и яйца тоже не меняются, пока из них не полезут цыплята. Или змеи.

— Хаммаил не спешит начинать большую драку. — Ламброс разбирался не только в пушках, за что Карло его особо ценил. — Понимает, удодий эдакий, что мы за него подыхать не рвемся. У самих горит.

---

¹ Удодий — обитающая на юго-востоке Золотых земель птица, внешне напоминающая удода, но более крупная. Самки имеют неброское пестрое оперение, самцы — однотонное: белое, розовое, оранжевое или желтое. Удодии способны имитировать голоса животных и запоминать отдельные слова и целые фразы. Прикормленные удодии наряду с фламинго, лебедами и павлинами служат украшением гайифских садов и парков, однако в помешениях их содержат редко из-за характерного запаха и излишне громкого голоса.

— Казар аж приструнил самых рьяных из своей своры, — припомнил рассказы Курподая Капрас. — Умники порывались прямо сейчас переть на Равиат. А вот с чего Лисенок тихо сидит, не пойму.

— Хаммаиловы орлы кричат, что трүсит, — хмыкнул Ламброс, лишь вчера сбагривший парочку означенных «орлов» назад, в казарскую ставку. — Мол, этому ничтожеству даже до отца далеко — ни доблести, ни чести, ни мозгов. Насчет доблести не скажу, а вот с головой у сынка Адгемара получше, чем у Коллегии.

— Курподай и те, кто поумней, подозревают какую-то хитрость, но какую?

— А кошки их всех разберут... Сударь, вы верите в шпионов?

С полдюжины якобы продавшихся супостату «бацут» были на прошлой неделе разоблачены и с визгом четвертованы, только уверенности в силе Хаммаила сие не добавило, скорее наоборот. Действительно ли казненные перебежали к Баате, и если да, то всех ли изменников выловили? Курподай от ответов уходил столь неуклюже, что маршал понял — охота на «предателей» маскирует какую-то возню. Это не удивляло: в Паоне разоблачать шпионов и оскорбителей величества тоже любили.

— Если Лисенок все-таки ударит, — не дождался начальственного мнения Ламброс, — а инициатива последних стычек исходит от его головорезов, казару не позавидуешь. Особенно когда нас наконец-то отзовут.

— Что вполне ожидаемо, — согласился маршал и невольно поморщился. Не из-за Хаммаила, хотя тот был порядочной дрянью, а из-за уже привычных воплей во дворе. — Проклятье... На моем счету немного добрых дел, и теперь я сорок раз подумаю, прежде чем брать на поруки бодливую скотину. Прибить бы, да глупо получится.

Ламброс без лишних слов закрыл окно, под которым спасенный сдуру казарон наскакивал на троих сержантов и кагетауправляющего. Требования носатого Пургата не менялись — собачьи бои и уважение; то, что не будет ни первого, ни второго, дошло бы даже до баклажана, но бешеным огурцам мудрость не свойственна.

— На линеалах, — напомнил Ламброс, — согласно уставу, надлежит держать шута. Гвардии пажи и шуты тоже положены. Может, мы становимся гвардией?

— Станешь тут, — буркнул Капрас, и они вернулись к пушкам и рекрутам. Ударил сигнальный колокол, объявляя, что близится

обед и мясо уже на огне. К трапезам в Кагете относились, как к молебнам, Карло это нравилось и больше не удивляло.

— Господин маршал, — физиономия дежурного адъютанта лоснилась, а поясной ремень был застегнут на последнюю дырочку, — гонец от его превосходительства губернатора Кипары!

— Пусть заходит... А ты забеги на кухню, скажи, чтоб мне не поливали этим... кислым... из незрелых слив.

— Да, господин маршал!

— Я, с вашего разрешения, тоже пойду.

Ламброса никто не гнал, полковник вышел сам, налетев в дверях на высокого изящного шатена с таким знакомым лицом, что время словно бы потекло вспять. С несомненным родичем кипарского гостя Капрас некогда служил. В той самой гвардии... Потом обоим пришлось выбирать между прыжком в капитаны, но у «наемников», и столичными прелестями в прежнем чине. Карло выбрал первое, красавчик Левентис — второе, и в каждом пирожке оказалось по камешку — «наемник» выбился в маршала и был назначен виновным за чужие промахи, гвардеец выгодно женился, но, говорят, оплешивел и чудом не угодил в тюрьму.

— Похоже, я знал вашего родственника, — без задней мысли сообщил маршал. — Динас Левентис из Караик.

— Да, это мой отец.

— И что отец думает о нынешнем безобразии?

Парень не знал. Глянув на Карло, привет из давно ушедшей молодости попросил разрешения снять мундир, в полу которого были зашиты письма — как оказалось, весьма примечательные.

Губернатор Кипары то ли от страха, то ли со злости вконец потерял голову, иначе не был бы столь откровенен с полуопальным военным и уж точно побоялся бы выпустить из рук послания Военной коллегии. Узнай Забардзакис о губернаторской выходке, хозяину сладостной Кипары пришлось бы бежать если не к бакранам, то к алатам, только Карло пока еще не предал ничьего доверия, тем паче превосходительный извещал о действительно важном.

Коллегии не собиралась помогать северу, и маршал с этим согласился бы — мориски опасней занятых собственными распрями талигойцев, однако речь шла о «так называемом корпусе Капраса»! Уроды собрались прикрыть им собственную задницу, но и это Карло понял бы и принял, ведь на кону, чтоб ее, была Паона. Столица, где заправляют придурки и подонки и где таким, как Капрас, места нет... Паонских бездарей маршал нена-

видел, но отдать Четырежды Радужную язычникам?! Позволить им пройти Императорской дорогой, плясая на Триумфальные арки?! Запустить в Померанцевый дворец и кошачью Коллегию?! Карло гнал бы своих парней форсированным маршем, на ходу придумывая, как и где остановить врага, утершего носы светочам стратегии и тактики, только светочам маршал Капрас как раз и не требовался. Его собирались выставить в Кипару! Одного. Выскребать по деревьям плоскостопых и припадочных, наспех вооружать, гонять с этим позорищем бакранских налетчиков и получать выговоры от столичных болванов, сперва раздраживших морисков, а потом не сумевших унять... Корпусу же предстояло погибнуть. Бездарно, зазря, потому что армия без головы беспомощней овечьей отары, а после смерти Задаваки голов в гайифской армии не осталось, только шляпы.

Маршал перечел выведенные аккуратным секретарским почерком строки раз двадцать и едва не плюнул на роскошную подпись Доверенного стратега его величества. Забардзакис был тупым архивным сундуком, столичным попугаем, сволочью и бездарью, но мориски от этого не перестали быть морисками, а приказ — приказом. В том, что таковой уже не только подписан, но и в прямом смысле не за горами, Карло не сомневался. Конечно, гонца можно прикончить, а потом развести руками, мол, ничего не знаю — война, бириссцы, родичи супруги казара, гайифские родичи, если вы вдруг позабыли... А можно написать Забардзакису все, что тот заслужил, и опять же остаться в Каете, где шадам делать нечего. Пусть стратеги подышают сами, пусть гонят в поле свою распрекрасную гвардию, которая жрет, как саранча, и вертит задницей, как шлюха. Победоносная, несравненная, непревзойденная, блистательная, великолепная...

Мориски будут долго ржать. Жаль, у них под запретом мужеложство, столичным фифам не помешало бы поуслаждать победителей. Маршал сунул письма в стол, отправил явно ожидавшего разговора Левентиса отдыхать и велел собрать старших офицеров.

Раз приказ о возвращении в пути, начинать подготовку к маршу лучше немедленно.

3

Служба Руппи, с какой стороны ни глянь, закончилась. Дезертир, отбивший государственного преступника, надерзивший фельдмаршалу и в придачу угодивший в плен, имеет полное

право плюнуть хоть на субординацию, хоть на утреннее бритье. В Хексберг нет лейтенанта флота, как нет и... адмирала цур зее, хуже того, чем больше Руппи думал, тем сильнее ему казалось, что Олафа Кальдмеера нет вообще нигде. И все же Фельсенбург сменил рубашку, причесался и отправился с докладом. Через коридор.

Стражи в доме Бешеного не водилось. Если Альмейда или городской комендант к «гостям» Вальдеса кого-то и приставили, приставленные либо мокли у входа в особняк, либо пили на кухне горячее вино, что было куда умнее. Пленники бежать не собирались, потому что служба кончилась, а свои дороги не начались.

Перед дверью Олафа Руппи замешкался, как мешкал, заходя пожелать спокойной ночи маме, когда та, силясь скрыть обиду, заговаривала чужим дрожащим голоском. Первым уступал отец, затем сдавался старший сын, но в прошлый раз Руперт устоял, ведь речь шла о Ледяном и обо всем, что в жизни есть главного. Адъютант адмирала цур зее делал что должно и так сделал! Поворачивать было поздно во всех смыслах, но почему бы не отложить разговор и не спуститься к Лёфферу, за которым приглядывает папаша Симон, как и все палачи, знающий толк в перевязках? А ведь не корпи Руппи над анатомией, перевязывать было бы некого... А не огорчи он маму, Олаф остался бы в памяти неизбывным укором. Мертвые укоряют и требуют вечно, это от живых можно освободиться.

— Мыр! — ободрила просочившаяся в коридор Гудрун. Встав на дыбки, утешительница готовилась запустить когти в штаны утешаемого. Это позволяло заняться ловлей кошки и счисткой шерсти, только лейтенант не поддался. Широко шагнув, он вынудил надоеду отцепиться и постучал, как стучал в каюту «Нордркроне». Дождался приглашения. Вошел.

Олаф тоже каждое утро брился и тоже был застегнут на все пуговицы. Фельсенбург щелкнул каблуками.

— Мой адмирал, имею печальное известие из Эйнрехта. Его величество Готфрид скончался в ночь на семнадцатый день Летних Волн в своей резиденции.

Олаф Кальдмеер медленно поднялся. Сегодня они не виделись, так уж вышло. Они отдельно завтракают, отдельно смотрят на дождь, отдельно дышат.

— Капитан Джильди осведомил вас о подробностях?

— Никак нет! — Проклятье, неужели так будет всегда?! — Мне сообщил шкипер Ключкатер. Разрешите доложить подробно...

— Чем раньше мы прекратим эту игру, Руперт, тем лучше. — Щека Олафа знакомо дернулась. — Я тебе больше не начальство, но если ты сядешь, нам будет проще говорить.

Руппи сел, в очередной раз не понимая, какого змея Кальдмеер отказался оставить при себе хотя бы Канмахера. Вальдес предлагал, Альмейда не возражал, только Олаф пожелал быть один. Совсем.

— Я слушаю, — ровным голосом сообщил адмирал, и Руппи захотелось перенестись в какое-нибудь уютное местечко. На Китенка там, или к Старым Бойням.

— «Хитрый селезень», как вы знаете, стоит в Малой гавани вместе с галерами. — Нет, он не сбежит, он доложит! — Появляться в торговом порту экипажу не запрещено...

— Я помню.

— Клюгкатер не называл имен, но он, несомненно, встретил кого-то из прежних знакомых. Добряк — честный шкипер, однако в молодости, видимо, знался с контрабандистами.

— Это очевидно, для простого торговца Клюгкатер слишком хорошо знает побережье. Итак, о чем рассказали контрабандисты? Кроме как о пришедшем в гавань Ротфогеля корабле с повешенными.

— После возвращения «Верной Звезды» в городе начались волнения. — Юхан говорил о «буче», но отойти от казенщины Руппи отчего-то не мог. — Назначенный Фридрихом комендант сбежал. В Метхенберг пока спокойно, однако прибывшие в прошлом месяце столичные ревизоры раздражают и честных торговцев с моряками, и... не очень честных.

— Это тоже очевидно. О смерти его величества было объявлено?

— Да. Манифест регента зачитывали на портовой площади.

— Что следует из этого манифеста?

— Шкипер говорит, документ составлен так, будто Фридрих является законным наследником.

Перевод был очень вольным. На самом деле Добряк бурчал, что пластужий потрох расселся на троне да еще горшок под низ сунул, чтоб не отлучаться. «Ну и кто теперь у нас заправлять всем будет? — вопрошал своих «цыпочек» Добряк. — Если этот дружок Бермессеров, точно к фельпам шлепать пора...»

«Цыпочки» утешающе булькали, пока имелось чем, потом замолчали. Руппи тоже сказать было нечего, не объяснять же, что бабушка сложа руки сидеть не станет. Самозваному регенту